

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

январь 1982 г.

Часть 1

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1983

ФОРМИРОВАНИЕ ДВОЕВЕРИЯ В ЯПОНИИ В VI-VII вв.

В истории религиозной жизни многих народов существовало двоеверие: либо как временное, переходное, либо как постоянное явление. Его появление связано с исторической судьбой народов. Некоторым народам, создавшим свои государства в древности, еще удалось сохранить, иногда в видоизмененном виде, свои ранние религиозные представления. В средние века такая возможность уменьшилась. Древние исконные воззрения, как единственные, уцелели лишь у народов, вовсе не вступивших на путь создания собственных государств, либо двигавшихся по этому пути очень медленно - и при этом не попавших в орбиту соседей - носителей более развитых религиозных систем. Для этой стадии характерно появление двоеверия. Формирование двоеверия подчинялось как определенным общим законам, так и частным, обеспечивающим специфику двоеверия в конкретной стране, в нашем случае - в Японии.

В гносеологическом отношении специфика религиозных представлений заключена в фантастическом отражении действительности с использованием чувств и эмоций. В социальном и историческом отношении суть религии в общем виде сводится к потребностям регулирующего воздействия на явления, не поддающиеся рациональному изменению. До возникновения цивилизации отражение мира природы и мира людей составляло некое единство и выступало в виде мифа. В Японии эта стадия зафиксирована в "Кодзики". На более высоких ступенях развития общества единая прежде мифологическая "модель мира" распадается на сложную иерархию самостоятельных систем: науку, право, искусство, религию и т.п. /6, с. 16/. Как пишет Фр. Энгельс, "все религии древности были стихийно возникшими племенными, а позднее национальными религиями, которые выросли из общественных и политических условий каждого народа и срослись с ними" /2, с. 312/. Такой религией в древней Японии стал синтоизм - культ духов природы, духов предков, получивший собственное название лишь после проникновения буддизма и как оппозиция ему: "синто" - "путь духов", "буддудо" - "путь будд". На этой стадии синтоизм не имел ни фиксированной системы верований, ни церковной организации.

Можно допустить, что японцы узнали про буддизм от иммигрантов с материка еще в первые века новой эры. Но японские летописи

датируют первый контакт с буддистом-китайцем в Японии 522-м годом, а исход буддизма из Кореи - 552-м. И лишь с первых годов VII в. открывается период активного усвоения всех основных сторон буддизма: строительство храмов и переписка сутр, подготовка богословов и изготовление буддийских статуй, пропаганда буддийских цогм и устройство молений, регламентация буддийских организаций и формирование школ. Этот процесс развивался нарастающими темпами, но в основном в пределах придворного, максимум, государственного обихода.

Поскольку с концом первобытного периода и с наступлением эпохи цивилизации происходит расщепление деятельности людей на материальную и духовную, исполнительскую и организационную, коллективную и индивидуальную - отдельные стороны системы отражения, в том числе и религия, приобретают известную самостоятельность. Господство стихийных сил выступало как господство сил общественных, причем доля первых падала, а доля последних возрастала. Представление о сверхъестественном возникало как фактическое отображение объекта религиозного отражения, а изменение последнего вызывало изменение в религиозном сознании конкретных форм сверхъестественного /5, с.33/. А это означает, что появление новых объектов религиозного отражения может столкнуться с неспособностью старой религии отразить эти объекты, и само это обстоятельство создает возможность обращения к новой религии.

Существовала ли в Японии такая ситуация в VI-VII вв.? Безусловно существовала. Кризис в японском обществе принял хронический характер уже в VI в. Общинное землевладение все чаще и все шире нарушалось захватами земель в личное владение знатью, клановой и царской. Былое равенство сочленов кланов и общин оборачивалось растущей мощью клановой знати и царского дома, расширением слоя несвободных и рабов. Не прекращалась борьба за власть между самими кланами, между кланами и "царями". Внешнеполитические акции на Корейском полуострове терпели неудачи. Как всегда в слабо организованных обществах, общий кризис выступал под личиной стихийных бедствий, недородов и голодовок, последствий которых никто не устранял, пожаров и убийств при схватках знати, никем ни удерживаемой, и духовного разброда. В общественном плане ситуация разрядилась так называемыми реформами Тайка (вторая половина VII в.). Но проведение в жизнь этих реформ и строительство централизованного государства - во многом с внедрением чужеземных институтов, понятий и новшеств - дополнительно вносило сумятицу в духовную жизнь

страны. И устранить эту сумятицу синтоизм часто был не в состоянии.

Ведь, согласно К.Марксу, "это государство, это общество порождает религию, превратное мировоззрение, ибо сами они - превратный мир. Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur, его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания"/I, с.414/. Однако, "общая теория" в синтоизме отличалась примитивностью и даже не имела фиксации; "энциклопедичность" сводилась к сплошному одухотворению всего сущего мира с крайне простой иерархией одухотворяемого; "логика" ставила знак равенства между выдающимся и сверхъестественным; "спиритуалистический вопрос чести" оборачивался приземленностью, полным отсутствием интереса к духовному миру человека; "энтузиазм" не выходил за пределы кланов с их духами-покровителями, для каждого клана особыми; "моральные санкции", как и заповеди, в сущности отсутствовали; "торжественное восполнение" было недостижимо из-за скромности обрядов; "общим утешением" синтоизм не мог похвастаться, так как вовсе не интересовался судьбой человека после смерти и очень мало - при его жизни. И в этот критический период у синтоизма появился сильный соперник.

Буддизм очень сложное, уникальное религиозное учение. Пройдя долгий путь, он в интересующую нас пору утратил категоричность многих ранних положений, препятствовавших его широкому распространению, и приобрел новые. Буддизм создал церковную организацию и сложную, впечатляющую обрядность. Учение махаяны ("большой колесницы") обещало широкий путь к спасению всем, верящим в Будду, бодисатв, даже не расстающимся при этом с верой в прежних богов и не порывающим с мирской жизнью. В Китае в процессе соприкосновения с даосизмом буддизм получил, дополнительно, сильный мистический заряд. В V-VI вв. в Китае буддизм достиг расцвета, распространился в государствах Корейского полуострова. На китайский язык переводились буддийские сутры, к ним создавались комментарии на этом же языке. Буддийская тематика активно проникала в философию, этику, литературу, искусство, архитектуру. Что касается вклада в философию, то надо напомнить высказывание Фр.Энгельса о том, что именно у буддистов впервые обнаружилось диалектическое мышление /4, с.538/. Буддизм смог завоевать эмоциональный мир и проникнуть в мир рациональный. Религиозное восполнение "модели мира" использует язык ("знаки"), обязательный для всех членов

коллектива: это и устная речь, и письменные тексты, и архитектура, и изобразительное искусство, и музыка, и пение, и экстаз, и даже такие обиходные действия, как принятие пищи, омовение /6, с.17/. В результате неоднократного повторения в определенном порядке этих приемов ("знаков"), складывающихся в систему, создается так называемый нейродинамический стереотип. В какой-то мере этими свойствами обладает всякая религия (и синтоизм), но в высокой степени — так называемые великие религии, в том числе наиболее ранняя из них — буддизм. Буддизм обладает необычайно сложной, непревзойденной для древности и средневековья, внутренней структурой, позволявшей почти любому ищущему (или группе ищущих) найти нужную иллюзию (часто противоположную другим иллюзиям, но по своему совмещающуюся с прочими), выраженную в подходящей форме (и присутствующую почти в любой материальной или духовной субстанциях), и к тому же оставлявшей место для восполнения недостающего средствами местных, традиционных воззрений. Поэтому буддизм, христианство, ислам — "великие религии", "вместе с ними впервые в истории человечества возникла вероисповедная связь людей отдельно от этнической, языковой, политической связи" /8, с.435/. Возникновение такой связи подготовлялось всем ходом исторического развития. "Великие исторические повороты сопровождались переменами в религии лишь поскольку речь идет о трех донныне существовавших мировых религиях: буддизме, христианстве, исламе" /3, с.294/.

Постоянный приток китайских и корейских иммигрантов и новшества напоминали японцам о существовании огромного и заманчивого мира, материального и духовного, как казалось, не испытывавшего ощущения духовного вакуума, и обострял у части населения островов чувство собственной духовной неполноценности. В этих условиях принятие буддизма было неизбежным. Неотразимо соблазнительным оказалась возможность считать все неурядицы нереальностью бытия. Закон возмездия за грехи предшествующих перерождений на уровне средневековой логики выглядел справедливым и неопровержимым при попытках объяснить реально происходящее. Возможность удачного перерождения, просветления, как средства спасения, при условии соблюдения определенных правил поведения; осуществимость искупления грехов верой в Будду; наконец, надежда отвести конкретную беду в ходе торжественных, полумагических молений и обрядов — все это как будто зависело от самого верующего.

Определенные круги японского общества сознательно использовали буддизм. Культурно-политический аспект сопричастности через буддизм к дальневосточному миру был оценен царским двором Японии. Участвуя в делах государств Корейского полуострова, поддерживая

снoшения с Китаем, правители Японии желали выглядеть единоверцами. Внутривполитический аспект поощрение распространения буддизма в Японии определялся тем обстоятельством, что в окружении царей Японии он рассматривался как религия для избранных, для государственных нужд ("для защиты государства и успокоения населения"), как активная объединяющая идеология в ходе борьбы с сепаратизмом кланов. Первоначальное, верхушечное принятие буддизма в Японии позволило избежать тех осложнений, на которые натолкнулся буддизм в Китае. Буддизм не встретил в Японии сильных соперников наподобие даосизма и конфуцианства. Он явился связанный неразрывными узами практически со всеми сторонами континентальной культуры. И постижение этих последних (а после проникновения буддизма и создание национальных) оказывалось невозможным без погружения в мир буддизма. Поэтому и распространение в Японии буддизма происходило в начале по мере распространения заморской культуры и просвещения.

В отличие от других великих религий буддизм не только не отвергал местных верований, но даже считал, что такие верования способствуют буддийскому самосовершенствованию. Сосуществование двух религиозных систем, двоеверие стало типичным для религиозной жизни Японии уже в VI в. Одним из многих примеров такого двоеверия, даже при царском дворе, является религиозная обстановка во время смертельной болезни императора Тэмму в 686 г., когда буддийские и синтоистские моления и жертвоприношения совершались параллельно и вкупе с другими действиями полусакрального, полуритуального смысла. Однако новейший статистический анализ записей в летописях, относящихся к синтоизму и буддизму, подтверждает большую устойчивость, оформленность синтоистской традиции по сравнению с буддийской /7, с. 50/.

-
1. К. Маркс, К критике гегелевской философии. — Соч., т. I.
 2. Фр. Энгельс, Бруно Бауэр и первоначальное христианство. — Соч., т. 19.
 3. Фр. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. — Соч., т. 21.
 4. Фр. Энгельс, Диалектика природы. — Соч., т. 20.
 5. Ю. Ф. Борунков, Структура религиозного сознания. М., 1971.
 6. А. Кондратов, Семиотика моделирует бога. — Наука и религия, М., 1963, № 2.
 7. А. Н. Мещеряков, Буддизм и синтоизм в общественной жизни Японии (по материалам официальных хроник). — Народы Азии и Африки, 1979, № 1.
 8. С. А. Токарев, Религии в истории народов мира. М., 1964.